
Д. О. ЦЫПКИН

**Понятие почерка в изучении русского исторического письма:
К проблеме разработки методологии почерковедческого
анализа древнерусских рукописей¹**

Однако с принципиальной точки зрения абсолютно неверно, будто теория должна основываться на наблюдаемых величинах. В действительности все обстоит как раз наоборот. Теория лишь решает, что именно можно наблюдать.

А. Эйнштейн²

Предлагаемая читателю публикация представляет собой не столько итог уже проведенного исследования, сколько постановку задачи для большой предстоящей работы. Сам автор считает, что эту статью было бы правильнее всего рассматривать как «публикуемую в порядке обсуждения», тем более что она представляет собой ряд методологических положений, изложенных в сжатой, частично даже в тезисной форме. Причиной такой

¹ Цыпкин Д. О. — канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; d.tsypkin@spbu.ru).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант №13-01-00172).

Некоторые положения этой работы в самой предварительной и краткой форме впервые были представлены автором в 2013 г. в докладе на конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Цыпкин Д. О. Идентификация пишущего в исследовании древнерусского книжного письма: Проблема разработки единой методологической системы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 3 (53). Сентябрь 2013. М., 2013. С. 147–148) и частично опубликованы в издании текста доклада (Цыпкин Д. О. Проблема разработки единой методологической системы идентификации пишущего в изучении рукописно-книжных памятников: (На материале Софийского, Кирилло-Белозерского и Соловецкого собраний ОР РНБ) // История и культура. СПб., 2013. Вып. 11 (11). С. 225–242).

² Грейзенберг В. Квантовая механика и беседа с Эйнштейном // Природа. 1972. № 2. С. 87.

вынужденной краткости является прежде всего то, что вопрос о разработке целостной универсальной методологической системы изучения и описания индивидуального письма древнерусских рукописно-книжных памятников относится к наименее разработанным в области изучения книжности Древней Руси. Строго говоря, во всей своей полноте он пока еще даже не был поставлен в рамках традиционных «палеографических» исследований древнерусских рукописей, хотя необходимость изучения почерка писца как самостоятельная методологическая проблема осознана в отечественной науке о рукописях уже давно. Еще в 1971 г. в Москве Археографической комиссией совместно с Институтом искусствознания была проведена специализированная конференция, непосредственно посвященная методике идентификации почерков в древнерусских рукописях.³ В задачи данной статьи не входит специальное рассмотрение истории изучения почерка в рамках русской палеографии, кодикологии и археографии — это тема отдельного историографического исследования. Здесь же только отметим, что, несмотря на наличие большого количества отдельных интересных и во многом очень перспективных опытов, идей и наблюдений,⁴ говорить о том,

³ Орлова М. А. Конференция, посвященная методике идентификации почерков в древнерусской рукописной книге // АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 393—398. Фактически в то же время был опубликован подготовленный В. И. Мажугой сжатый, но емкий аналитический обзор взглядов на проблему почерка в изучении исторических документов, подведший своеобразный итог методологических поисков в этой области в мировой науке о рукописях 1950—1970-х гг. (Мажуга В. И. Отождествление руки писца в палеографии и кодикологии // ВИД. Л., 1976. Т. 7. С. 272—289).

⁴ В качестве примера достаточно упомянуть только некоторые работы: Бахтурина Р. В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 35—57; Синицына Н. В. 1) Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 286—317; 2) Новые рукописи Михаила Медоварцева // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 145—149; 3) Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV—первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 89—113; 4) Максим Грек в России. М., 1977; Жуковская Л. П. Эклилитеральные способы определения разных почерков // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй. М., 1974. С. 28—37), Н. С. Филипповой (Филиппова Н. С. Идентификация писцов на основании анализа письма скорописных рукописей // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 38—57; Щепкина М. В. Возможности отождествления почерков в древнерусских рукописях // Там же. С. 7—13; Розов Н. Н. Об идентификации почерков старейших русских книг (XI—XII вв.) // Там же. С. 14—17; Костюхина Л. М. 1) О некоторых принципах отождествления и типизации почерков в русских рукописях рубежа XVI—XVII вв. // Там же. С. 18—27; 2) Почерки московских писцов XVII в.: (По материалам Государственного исторического музея) // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 152—189; 3) Книжное письмо в России в XVII в. М., 1974; Амосов А. 1) Развитие кириллического письма в России до XV в. // Славянска палеография и дипломатика. Лекции от Втория семинар по славянска палеография и дипломатика и доклады от научната конференция «Украсата на балканската ръкописна книга до XVIII век» София, август 1983. София, 1983. Т. 2. С. 48—62; 2) Летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; Князева Е. В., Хованов Н. В. О статистическом методе идентификации полууставного письма в древних текстах: (Опыт применения математического анализа) // Материалы и сообщения

что в работе с русскими докурсивными рукописями мы имеем полноценный методологический инструментарий объективного и доказательного отождествления пишущего по письму, пока не приходится. Данное утверждение, конечно же, не означает огульного отрицания результатов многочисленных атрибуций рукописей тем или иным писцам, которые накоплены в науке о древнерусских рукописях. Мы лишь хотим отметить, что эти атрибуции пока еще не имеют такой же разработанной аргументации и доказательной силы, с которой встречаешься, например, при знакомстве с идентификационными исследованиями современного письма в судебном

по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. 1985. Л., 1987. С. 168–175 (Там же: Амосов А. Палеографический комментарий. С. 174–175; Якушкина М. М. Почерк нотного стихираря 1224–1226 гг. // Труды ГИМ: Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики М., 1987. С. 35–38; Морозова Л. Е. Опыт определения авторства рукописей XVI в. по почерку // История и палеография: Сбю статей. Ч. 1. М., 1993. С. 140–175; Мошкова Л. В. «Белые пятна» русской палеографии // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 27–28 февраля 2013 г. М., 2013. С. 232–240, и другие публикации.

Кроме того, на методологические поиски, а до некоторой степени и на теоретические подходы отечественных исследователей в области изучения древнерусских рукописей как непосредственно, так и опосредованно (через труды А. Д. Люблинской, Л. И. Киселевой, В. Л. Романовой и В. Н. Мажуги) оказали влияние взгляды таких западноевропейских палеографов, как П. Канар, Ж. Маллон и Ж. Уи, Л. Жилиссен и др. Особое место здесь должно быть отведено книге Жилиссена «Экспертиза средневекового письма» (*Gilissen L. L'expertise des écritures médiévales: Recherche d'une méthode avec application à un manuscrit du XIe siècle: Le Lectionnaire de Lobbes — Codex Bruxelensis 18018. Gand, 1973*). В этой связи необходимо учитывать то, что методология изучения индивидуального письма Древней Руси развивалась в отечественной науке в едином интеллектуальном пространстве с изучением некириллического письма. Такие работы, как например, пособие «Латинская палеография» А. Д. Люблинской (*Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969*), монографии Л. И. Киселевой (*Киселева Л. И. 1) Готический курсив XIII–XV вв. Л., 1974; 2) Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV–XV вв.: Кодикологический и книговедческий аспекты. Л., 1985*), В. Л. Романовой (*Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII–XIV вв.: По материалам собрания рукописных книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1975*), В. Н. Малова (*Малов В. Н. Происхождение современного письма: Палеография французских документов конца XV–XVIII в. Л., 1975*) и статьи В. И. Мажуги (*Мажуга В. И. 1) О технике средневекового латинского письма (конец VIII–XI в.). I // ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 297–312; 2) О технике средневекового латинского письма. II // Там же. Л., 1982. Т. 13. С. 272–293*) и др., должны рассматриваться как отражение уровня представлений об индивидуальном письме средневековой рукописной книги и, шире, исторических документов, характерного для отечественной науки о рукописях в целом. Сюда же нужно отнести и критические статьи, помещенные в первой части сборника работ Б. Л. Фонкича «О современных методах исследования греческих и русских документов XVII века: Критические заметки», которые традиционно в равной степени представляют интерес как для специалистов по греческой палеографии и кодикологии, так и для исследователей древнерусской рукописной традиции (*Фонкич Б. Л. О современных методах исследования греческих и русских документов XVII века: Критические заметки. М., 2012. С. 11–111*).

почерковедении.⁵ По сравнению с ним аналогичные выводы «палеографического» исследования индивидуального письма древнерусских рукописей очень часто носят характер скорее интуиций или с большей или меньшей остроумностью и логичностью обоснованных гипотез, чем убедительной развернутой и, самое главное, объективной системы доказательств, из которой однозначно должен следовать декларируемый результат и которая исключает возможность любых других выводов и интерпретаций. С сожалением приходится признать, что вся система непосредственно почерковедческой аргументации таких атрибуций зачастую напоминает попытку подобрать обоснования под уже интуитивно сложившийся вывод (который очень часто может оказаться и верным), представляя собой не столько почерковедческое исследование, сколько своеобразную «симулятивную» объективизацию сложившегося убеждения ученого. Крайней формой такой «симуляции» доказывания является приведение в работе в качестве основного аргумента снимков текстов сопоставляемых рукописей без каких-либо специальных комментариев. Причем часто такие снимки отражают воспроизводимые тексты в объеме и качестве, принципиально не позволяющем проводить на их основе какие-либо почерковедческие исследования. Неполнота или отсутствие непосредственно почерковедческой аргументации в атрибуции рукописи тому или иному писцу зачастую эффективно компенсируется хорошо разработанной системой косвенных доказательств (например, анализом орфографии текстов, не относящихся к почерку кодикологических особенностей рукописи и т. п.).⁶ Однако это не искупает, а, наоборот, лишь подчеркивает слабость и даже некоторую беспомощность того привычного методологического арсенала, который на

⁵ Данная проблема характерна не только для изучения письма древнерусских рукописей. Разрыв между уровнем методологии, существующим в судебном почерковедении и в изучении индивидуального письма в палеографии, отмечают и западные специалисты, работающие с некириллическим письмом. В этом отношении показательно мнение английского ученого Т. Девиса, являющегося одновременно и профессиональным судебным экспертом, и палеографом (*Davis T. The Practice of Handwriting Identification // The Library. Ser. 7. Vol. 8, № 3. September. 2007. New York, 2007. P. 251–276*).

⁶ Здесь необходимо пояснить, что если при *палеографическом* анализе рукописи ее графико-орфографические особенности представляется методологически верным рассматривать в единстве, то методология *почерковедческого* (историко-почерковедческого) исследования должна предполагать другой подход к изучению письма документа. В этом случае признаки, наблюдаемые в тексте рукописи, подразделяются на две самостоятельные области: на *признаки почерка*, исследуемые средствами и методами почерковедения, и *признаки «письменной речи»* (к ним относятся и орфографические особенности документа), которые в зону применения почерковедения не входят. Такой восходящий к криминалистике подход себя полностью оправдывает, так как базируется на психофизиологической природе почерка как объекте анализа. Естественно, что методологическая установка на раздельное и самостоятельное рассмотрение и изучение признаков почерка и признаков «письменной речи» не означает отказ от комплексной оценки результатов этих исследований при формировании заключения об атрибуции рукописи конкретному лицу и т. п. Сказанное наглядно показывает, насколько *палеография* и *почерковедение* (историческое почерковедение), исследуя один и тот же предмет — письмо рукописи, при этом представляют собой две независимые дисциплины, имеющие фундаментальные различия, как в своей теории, так и в методологии.

сегодня накоплен в рамках «палеографического» подхода к изучению индивидуального письма (почерков) древнерусских рукописей.⁷

Формированию целостной и разработанной методологии изучения и описания почерка в древнерусской рукописной традиции прежде всего препятствует то обстоятельство, что применительно к рукописной книге Древней Руси, да и вообще к русскому докурсивному письму, мы до сих пор не имеем по-настоящему разработанного универсального и исчерпывающего определения понятия *погερка*.⁸ Если не рассматривать устаревшее обозначение словом «почерк» типа письма (устав, полуустав и т. д.) и тому подобных категорий, то можно сказать, что в рамках «палеографического» подхода к изучению индивидуального письма древнерусских рукописей замечание М. Н. Тихомирова и А. В. Муравьева о том, что «под начерком понимается общепринятый в то или иное время вид письма, индивидуальные отличия которого принято называть почерком», или слова А. А. Амосова о том, что «индивидуальность графических начертаний литер <...> — тот признак, который собственно и определяет “почерк”», в целом отражают наиболее распространенное понимание этого явления.⁹

Несколько более развернутое определение почерка применительно к изучению древнерусских рукописей предложил И. В. Лёвочкин в специальном разделе («Отождествление почерков и текстов») монографии «Основы русской палеографии»: «Очевидно, что *погερка* — это совокупность индивидуальных особенностей письма того или иного человека, объективно проявившихся в конкретном тексте. Сюда входят: графика букв, строчные и надстрочные знаки, манера сокращения слов, а также общий вид текста — расположение письма на листе (плотность написания букв, особен-

⁷ Эти слова, конечно же, не означают, что в науке о древнерусских рукописях отсутствуют детальные описания особенностей индивидуального письма того или иного писца или примеры скрупулезного сравнительного анализа письма рукописных документов. Чтобы доказать обратное, достаточно указать на такие замечательные примеры, как работа В. С. Голышенко, посвященная анализу письма писцов Изборника 1076 г. (Изборник 1076 года. М., 1965. С. 95–116) или исследование Н. В. Сеницыной почерка Максима Грека (*Сеницына Н. В.* Максим Грек в России. С. 27–43, 283–324). Однако таких работ в целом очень немного, и даже о них, к сожалению, нельзя сказать, что там присутствует достаточно разработанное понимание *погερка* (и природы этого явления) применительно к некурсивному письму — понимание, которое могло бы позволить их авторам построить полноценные модели адекватного идентификационного описания почерка через систему соответствующих признаков, отображенных в письме рукописи. Данное замечание, естественно, не должно пониматься как указание на существование у нас каких-то оснований для сомнений в правоте самих идентификационных выводов, сделанных в упомянутых исследованиях.

⁸ Говоря о русском «докурсивном письме» мы исходим из того, что с конца XVIII—перв. четв. XIX в. в России развивается, а потом и начинает господствовать та форма скорописи, которую Е. А. Белоконь предложила определять как «курсив» (*Белоконь Е. А.* Развитие русского письма в конце XVIII—первой четверти XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 8, 15–16), к которой принадлежит современное русское скорописное письмо.

⁹ *Тихомиров М. Н., Муравьев А. В.* Русская палеография. М., 1966. С. 29; *Амосов А. А.* Летописный свод Ивана Грозного. С. 154.

ности строки, ее совершенство и т. п.)».¹⁰ Данное определение по сути является развитием того же понимания почерка. Приведенные примеры — это не определения почерка как характеристики пишущего, а своеобразные попытки сформулировать то, в чем выражается «индивидуальность письма» применительно к древнерусским рукописям.¹¹ Однако ответ на вопрос, что понимается под *погерком*, является краеугольным камнем в построении всей теоретической и методологической базы изучения почерков древнерусских рукописей, и обойтись без него в формировании полноценной научной методологии почерковедческого исследования русского докурсивного письма вряд ли возможно.¹²

¹⁰ Лёвошкин И. В. Основы русской палеографии. М, 2003. С. 125.

¹¹ Вряд ли существует какая-нибудь объективная методологическая необходимость в формулировке определения «индивидуальности письма». Гораздо важнее, в том числе и с точки зрения понимания феномена *погерка*, сформировать целостную систему категорий характеристики индивидуального письма русских исторических документов.

¹² Необходимо особо отметить, что в отечественной научной литературе большое внимание проблеме почерка было уделено в рамках изучения истории русского письма Нового времени (неографии). Прежде всего, речь идет о работах С. А. Рейсера (*Рейсер С. А. 1) Некоторые вопросы палеографии нового времени // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 393—437; 2) Русская палеография нового времени: (Неография): Учеб. пособие для студентов вузов специальности «История». М., 1982*). Так, в его пособии «Русская палеография нового времени» в главе «Графика» имеется специальный раздел «Почерк» (с. 59—73). В нем приводится значительный и исключительно интересный фактографический материал, высказывается большое количество очень ценных, не потерявших до сих пор своей актуальности наблюдений и замечаний относительно методологических подходов к изучению почерка в русском историческом письме. Представленная в разделе «Почерк» библиография наглядно показывает, что его автор при формировании собственного понимания почерка старался учитывать не только опыт палеографии (кроме русской, еще и латинской) и историко-филологических дисциплин, но и работы в области судебного почерковедения и психофизиологии письма. Их изучение позволило С. А. Рейсеру сделать следующий вывод: «Письмо представляет собой сложный психофизиологический акт. Но благодаря образованию стереотипов, процесс письма приобретает некоторые черты автоматизма. Почерком мы называем письмо с индивидуальной манерой изображения отдельных букв и их связей между собой» (Там же. С. 59). Однако при этом он отмечает: «Почерк — индивидуальные особенности письма отдельного человека. В этом смысле устав и полуустав почерка не имеют: они представляют собой в значительной степени рисованное письмо. Между тем, основной особенностью почерка является непосредственность. Тем самым почерк существует лишь в скорописи» (Там же. С. 61). Подобного рода высказывания показывают, что их автор, к сожалению, не обладал достаточным знанием техники древнерусского уставного и полууставного письма (которое, впрочем, и не являлось предметом его специального рассмотрения). Такой отказ от отношения к почерку как к всеобщему (универсальному) явлению в истории рукописного письма вынуждает нас исключить взгляды С. А. Рейсера на почерк из рассмотрения в рамках проблематики разработки понятия *погерка* в русском историческом письме в целом и в древнерусском письме в частности. Кроме того, приходится отметить, что приведенные слова Рейсера означают, что, несмотря на ссылку на динамические стереотипы, он, по сути, не имел адекватного понимания навыковой природы почерка, на которой в период публикации обсуждаемых работ уже базировалась вся теория отечественного судебного почерковедения и на которой строились представления о психофизиологии индивидуального письма.

Очевидно, что, пытаясь определиться с пониманием почерка применительно к древнерусской письменности, мы не можем не обратиться к опыту судебного почерковедения, которое имеет хорошо разработанную теоретическую и методологическую базу изучения индивидуального письма. Тем более что, хотя отечественное судебное почерковедение формировалось и развивалось в условиях, когда курсив является базовой формой русского письма и фактически безраздельно господствует на пространстве рукописных текстов, оно претендует на универсальность в своем подходе к изучению почерка.¹³ Кроме того, и в отечественной науке о рукописях в последние пятьдесят лет явно просматривается тенденция использовать в той или иной мере при изучении письма исторических документов представления о почерке и методологию его исследования, сложившиеся в судебном почерковедении.¹⁴

Вслед за трудами С. А. Рейсера мы вынуждены исключить из рассмотрения в этой статье и взгляды на почерк некоторых других авторов, отказывавшихся от понимания этого явления как универсального, связывая его «появление» в русском письме только с периодом скорописи. К работам такого рода относится, например, учебное пособие по русской палеографии А. Т. Николаевой (*Николаева А. Т. Русская палеография*. М., 1980) или аналогичное пособие В. А. Пирко (*Пирко В. А. Русская палеография*. Киев, 1991). В своем восприятии почерка эти специалисты оказались под воздействием представлений С. А. Рейсера. Впрочем, справедливости ради отметим, что Николаева, фактически цитирующая Рейсера в определении почерка, несколько более осторожно по сравнению с ним формулирует свои взгляды на возможности использования этого понятия в палеографии. Так, она пишет: «Почерк — индивидуальные особенности письма отдельного человека. Поэтому термин “почерк” очень условно применим к уставу и полууставу, представляющим собой рисованное письмо» (*Николаева А. Т. Русская палеография*. С. 76). В этой связи нельзя не обратить внимания и на схожие утверждения некоторых экспертов-криминалистов, будто бы «буквы в древней Руси не писались, они рисовались» (*Шелухин В. С. Комплексное криминалистическое исследование исторических документов // Судебная экспертиза: дидактика, теория, практика: Сб. науч. трудов*. М., 2009. Вып. 4. С. 83).

¹³ Так, в пособии «Судебно-почерковедческая экспертиза», вышедшем в 1971 г., А. И. Манцетова и В. Ф. Орлова категорически утверждают: «Исторически почерковедение возникло и сформировалось именно как судебное почерковедение. Появление науки о почерке и методах его исследования непосредственно связано с потребностями судебно-следственной практики, которая нуждалась в установлении исполнителя рукописных документов. Учитывая исторически сложившийся характер науки и ее основное прикладное значение, следует констатировать, что кроме судебного почерковедения иного почерковедения не существует» (*Судебно-почерковедческая экспертиза* М., 1971. С. 12).

¹⁴ См., например, ряд уже упоминавшихся работ: *Рейсер С. А. Некоторые вопросы палеографии...* С. 423–427; *Синицына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев...* С. 291, 296; *Киселева Л. И. Западноевропейская рукописная и печатная книга...* С. 118–121; *Морозова Л. Е. Опыт определения авторства...* С. 155–167; *Фонкиг Б. Л. О современных методах...* С. 25 и др., а также исследование автора этих строк (*Цыпкин Д. О. Формирование кодекса // Das corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert) Bd. 5. Freiburg; СПб., 2013. С. 36–45*); к сожалению, работа, впервые представленная широкой научной общественности 18.04.2001 г. в качестве доклада на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН, по не зависящим от автора причинам увидела свет в печатном виде с более чем десятилетним опозданием и должна рассматриваться как исследование 2001 г., кото-

В наиболее современном «Словаре основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз», изданном в 2008 г., мы встречаем следующее определение почерка: «Почерк — основанная на функционально-динамическом комплексе письменно-двигательных навыков и отображаемая в рукописи итоговая программа их выполнения, содержащая зрительно-двигательный образ выполняемой рукописи и специально приспособленную для его реализации систему движений».¹⁵

Развернутое пояснение этого определения можно встретить в подготовленной под редакцией В. Ф. Орловой фундаментальной работе «Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть: Теоретические и методические основы», переработанное и дополненное переиздание которой увидело свет в 2006 г. Здесь, в частности, сказано, следующее: «Письмо как процесс основано на сложной и многообразной системе навыков, образующих письменный ФДК (функционально-динамический комплекс. — Д. Ц.), подчиненный единой цели — фиксации мысли в рукописи для передачи ее на расстояние и для сохранения во времени. Письменный ФДК объединяет две тесно связанные и вместе с тем относительно автономные подсистемы: письменно-речевой и письменно-двигательный ФДК, называемый еще графической техникой письма в отличие от смысловой и собственно речевой его стороны. <...>

Функцией письменно-двигательного ФДК является реализация в процессе письма в рукописи итоговой программы, содержание которой составляют: зрительно-двигательный образ (модель) исполняемых рукописей (психофизиологический регуляторный компонент) и развернутая система движений, специально приспособленная для реализации этого образа (биомеханический исполнительный компонент).

Формируясь в результате специального обучения и практики письма на основе субъективного приспособления пишущего к разнообразным внешним и внутренним условиям, письменно-двигательный ФДК приобретает у каждого пишущего своеобразные черты. Именно с субъективным характером письменно-двигательного ФДК связывается представление о почерке, индивидуальность которого сделала это понятие синонимом всего своеобразного».¹⁶

Хотя это понимание почерка и претендует на универсальность, на что явно указывает последнее замечание в процитированном тексте, однако признать эту универсальность вряд ли будет справедливым. На наш взгляд, приведенное понимание почерка (само появление этой формулировки и ее содержание) должно рассматриваться только в контексте современной ситуации развития и функционирования письма в обществе, т. е. как результат развития процесса истории русского письма (как явление его эволю-

рое в ряде своих методологических положений (впрочем, не имеющих отношения к самим результатам исследования, но касающихся понимания почерка в некурсивном письме) на сегодня несколько устарела.

¹⁵ Рубцова И. И., Сысоева Л. А., Коршиков А. П., Ермолова Е. И., Безрукова А. И. Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз: Справочное пособие. М., 2008. С. 16.

¹⁶ Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть: Теоретические и методические основы. М., 2006. С. 111.

ции),¹⁷ и только в связи с теми специальными задачами, которые стоят перед современным судебным почерковедением. Для подтверждения достаточно сравнить приведенное определение почерка и его разъяснение с тем, что по тому же поводу писали В. Ф. Орлова и А. И. Манцветова в 1971 г. Так в пособии «Судебно-почерковедческая экспертиза» (1971) ими указывалось, что «почерк — это фиксирующаяся в рукописи, характерная для каждого пишущего и основанная на его письменном навыке система движений и иных приемов, с помощью которых выполняется рукопись».

Несмотря на многообразие определений почерка в криминалистической литературе, основу большинства из них составляет представление о почерке как о фиксирующейся в рукописи своеобразной для каждого пишущего системе движений.

Система движений, с помощью которой при письме воспроизводятся письменные знаки, образующие рукопись, — это сложенная, стройная система, элементы которой строго согласованы. Она действительно отражает основное содержание понятия почерка. Кроме того, в почерке имеются такие элементы, которые не исчерпываются системой движений, например, выбор определенного варианта почерка для конкретного случая, если пишущий владеет несколькими вариантами; пространственная ориентация на листе бумаги даты, фрагментов текста, подписи и т. п.».¹⁸ При этом специально оговаривается, что «указанный выбор непосредственно не связан с деятельностью двигательного аппарата письма».¹⁹ Также отмечалось и то, что «некоторые особенности в размещении, как правило обеспечивающиеся отдельными крупными движениями или их комплексом (размещение

¹⁷ Представляется важным подчеркнуть, что процесс эволюции письма во времени включает в себя в качестве взаимосвязанных явлений (в конечном итоге, являющихся отражением одних и тех же социокультурных процессов, происходящих в обществе) не только изменения в графике этого письма, но и изменение относящихся к нему понятий. Ярким примером этого может служить эволюция самого понятия «почерк», которое, как показал П. Н. Берков, при своем появлении в русском языке в последней трети XVIII в. означало «вообще писание красиво, по образцам, не по принципам скорописи предшествующих десятилетий» и лишь позже стало синонимом индивидуальности письма (Берков П. Н. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо // Исследования по отечественному источниковедению. Л., 1964. С. 46–47).

Показательно, что связь базовых понятийных категорий судебного почерковедения с развитием русского письма ощущал один из основоположников отечественного судебного почерковедения, заложивший его теоретические основы, С. М. Потапов, который в статье «Научное почерковедение» в 1940 г. писал: «Выработанная на данном этапе общественной жизни для целей обучения система взаимно связанных и соотносящихся между собой движений, приспособленная к воспроизведению письма, представляет собой систему современной скорописи. <...> Поскольку же имеется в виду личная способность пишущего, его “искусство” осуществлять на практике систему взаимно связанных и соотносящихся между собой движений, приспособленных к воспроизведению современной скорописи, речь идет о почерке данного лица» (Потапов С. Научное почерковедение // Советское государство и право. 1940. № 12. М., 1941. С. 83).

¹⁸ Судебно-почерковедческая экспертиза. М., 1971. С. 14.

¹⁹ Там же.

подписи, фрагментов текста), отражают навыки зрительной ориентации пишущего. Такие движения больше, чем другие, связаны с работой зрительного анализатора, в частности, с особенностями глазомера пишущего. Поэтому особенности пространственной ориентации указанных крупных движений или их комплекса неправильно было бы считать только особенностями системы движений пишущего, хотя именно с помощью последней они реализуются. Здесь, по-видимому, больше проявляются иные стороны навыка письма». ²⁰ Резюмируя определение понятия почерка, Орлова и Манцетова подчеркивают, что «понятие почерка должно охватывать все стороны письменно-двигательного навыка, связанные с техникой письма. Основное же содержание этого навыка составляет система движений пишущего». ²¹

Между этими двумя определениями почерка примерно тридцать лет. Применительно к развитию русского письма — это целая эпоха. Эпоха, на которую пришелся переход в обучении к прописям образца 1968 г. (которые были созданы с ориентацией на авторучку, т. е. с расчетом на безнажимное письмо, а не на двунажимное, как было ранее), ²² а позже и переход к массовому использованию компьютера в качестве основного средства индивидуального письма. После победы в обучении письму авторучки, уступившей свое лидерство ручке шариковой, а затем и после наступления безраздельного господства компьютерного набора в решении большинства тех социальных задач, которые ранее относились к области рукописного письма, вряд ли возможно говорить о массовом сохранении у пишущих нескольких стабильных вариантов в письме одного человека. Мы, естественно, далеки от ложного утверждения о том, что судебное почерковедение перестало учитывать возможность существования у пишущего различных «вариантов почерка», однако изменение самого определения понятия почерка представляется показательным. Приведенные примеры наглядно иллюстрируют факт существования определенной зависимости понимания почерка в судебном почерковедении от процессов изменений в современной массовой письменной практике, с продуктами которой эта дисциплина и имеет дело. Однако такая ориентированность на реалии настоящего дня, безусловно, необходимая для успешной реализации практических задач судебного почерковедения, как раз и не позволяет сформировать по-настоящему универсальное понимание почерка, в равной степени пригодное для работы с материалами всего периода существования русской письменности.

К сожалению, не только на уровне определения почерка, но и на уровне самих теоретических основ понимания почерка практические целевые установки судебного почерковедения вступают в неизбежный конфликт с задачами создания *универсального узения о почерке*. Достаточно отметить, что до сих пор остающаяся базовой работой по теоретическим основам отечественного судебного почерковедения фундаментальная монография А. И. Манцетовой, В. Ф. Орловой и И. А. Славуцкой, вышедшая в свет в 1967 г. и переизданная в 2006 г., называется «Теоретические (естествен-

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 15.

²² Соколова Е. Н., Тарасова О. Т. Обучение чистописанию. М., 1969.

нонаучные) основы судебного почерковедения». ²³ Показательно, что теоретические основы почерковедения рассматриваются авторами как сугубо естественнонаучные, что отражено и в аннотации книги, где, в частности, сказано, что «монография написана в естественно-научном аспекте», а «при написании данной работы были поставлены три основные задачи: разработать основы анатомического и физиологического механизма движений при письме; исследовать формирование навыка письма, обосновать его индивидуальность и устойчивость; систематизировать признаки почерка на основе исследования характеристик движений при письме». ²⁴ Речь идет об анатомии, физиологии и психофизиологии письма, понимание которых основывается на фундаментальных концепциях таких ученых как, И. П. Павлов, А. А. Ухтомский, Н. А. Бернштейн, П. К. Анохин, А. Р. Лурия и др. ²⁵ Такой подход исходит из рассмотрения индивидуального письма как системы движений, основанных на письменно-двигательных навыках исполнителя рукописи, но в нем не присутствует понимание *письма как деятельности*, как *формы социального поведения*, своего рода *письменного (графического)*

²³ Манцетова А. И., Орлова В. Ф., Славуцкая И. А. Теоретические (естественнонаучные) основы судебного почерковедения. 2-е изд. М., 2006.

²⁴ Там же. С. 3. Показательна также и характеристика, данная авторами их труду: «Эта книга представляет собой монографическое исследование проблемы формирования естественнонаучной базы судебного почерковедения как науки о судебно-почерковедческой экспертизе. После известной работы Е. Ф. Буринского (1903 г.) в ней впервые в отечественной криминалистике на основе положений естественнонаучных дисциплин, криминалистики и специально проведенных экспериментов представлено целостное учение о фундаментальных основах судебно-почерковедческой экспертизы. Его образуют: двигательная анатомия и биомеханика письменного процесса, физиология управления движениями при письме, процесс формирования письменно-двигательного навыка и закономерности, определяющие основные качества почерка как объекта судебно-почерковедческой экспертизы — его индивидуальность, устойчивость и вариационность. В этой книге обоснована сущность признаков почерка как двигательной особенности и предложены основы их систематизации» (Там же. С. 5).

²⁵ Чтобы не создавать у читателя ложное впечатление, что, рассматривая теоретические основы современного судебного почерковедения, мы опираемся на работу, написанную в 1967 г., приведем в качестве примера гораздо более современную монографию, второе переработанное и дополненное издание которой вышло в свет в 2006 г. и имеет соответствующие поглавные библиографические списки: Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть: Теоретические и методические основы. М., 2006.

В связи с обсуждением вопроса о психологических и психофизиологических основах почерка позволим себе отметить, что для специалистов, не занимающихся непосредственно изучением психофизиологии письма, но которым в повседневной практике приходится постоянно сталкиваться с проблемой изучения почерка и хотелось бы получить самые общие представления о естественнонаучных основах понимания процесса письма и формирования письменно-двигательного навыка, можно порекомендовать две образцовые по доступности изложения и одновременно по научной фундаментальности и полноте представления вопроса популярные работы, созданные еще в 1940-е гг., но не потерявшие своего значения до сих пор. Это монография Н. А. Бернштейна (*Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии*. М., 1991) и брошюра А. Р. Лурии «Очерки психофизиологии письма» (переизд. в кн.: *Лурия А. Р. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования*. М., 2002. С. 9—76).

поведения²⁶ пишущего (связанного с его *социальным статусом* и с его *социальной ролью*).²⁷ В связи с этим представляется показательным то, что в списке работ, на которых базируются теоретические основы судебного почерковедения, нет трудов одного из крупнейших отечественных психологов — создателя психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Однако, по нашему убеждению, для построения по-настоящему универсального учения о почерке необходимую теоретическую основу может как раз обеспечить сочетание концепций А. Н. Бернштейна и А. Н. Леонтьева, т. е. рассмотрение индивидуального письма не только с точки зрения теории уровневой организации движений, но и с точки зрения представлений о структуре деятельности (деятельность—действие—операция).²⁸ Сведение теоретических основ почерковедения к естественнонаучным представляется вполне оправданным с точки зрения задач, стоящих перед судебным почерковедением (осуществление идентификации пишущего по письму, а также диагностическое исследование письма с целью установления пола, возраста, определения отдельных психологических характеристик и функциональных состояний исполнителя документа, установления намеренного искажения почерка, факта дописки и т. д. и т. п.),²⁹ решаемых на материале современного письма.³⁰ Но оно становится недопустимым сужением

²⁶ Мы используем словосочетание *письменное (графическое) поведение* по аналогии с *речевым поведением* личности (о понятии *речевое поведение* см., например: *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993. С. 8—29).

²⁷ О *социальном статусе* и *социальной роли* см., например: *Шкаратан О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С. 54—59.

²⁸ Свои теоретические представления о деятельности А. Н. Леонтьев обобщил в вышедшей в 1975 г. книге «Деятельность. Сознание. Личность» (переизд. в 2004 г.). Кроме того, см. раздел «Структура деятельности (по А. Н. Леонтьеву)» в пособии: *Савина Е. А.* Введение в психологию: Курс лекций. М., 1998. С. 23—25; см. также: *Сидоров К. Р.* Уровневая модель психики: Психологическая теория деятельности // *Вестн. Удмуртского ун-та. Сер. 3: Философия. Психология. Педагогика.* 2010. Ижевск, 2010. Вып. 2. С. 56—62. В этом отношении интересно отметить, что в эпоху расцвета советской научной графологии (в 1930-е гг.), которая до выхода Постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», нанесшего сокрушительный удар по ее методологическим основам, и последующего зачисления этого направления на длительный период в разряд «лженаук», формировалась как основная дисциплина, разрабатывающая теоретические основы учения о почерке. Именно А. Н. Леонтьев (вместе с А. Сурковым) стал соавтором статьи «Графология» в 18-м томе Большой советской энциклопедии (*Леонтьев А., Сурков А.* Графология // БСЭ. М., 1930. Т. 18. Стб. 852—856), тогда как авторами аналогичной статьи в Большой медицинской энциклопедии были А. Лурия и А. Сурков (*Сурков А., Лурия А.* Графология // Большая медицинская энциклопедия. М., 1929. Т. 8. Стб. 55—59).

Пример успешного сочетания взаимодополняющих подходов А. Н. Леонтьева и Н. А. Бернштейна в изучении и понимании двигательных действий на спортивном материале предлагается в работе М. М. Богена (*Боген М. М.* Обучение двигательным действиям. М., 1985. С. 28—57).

²⁹ Подробнее о судебно-почерковедческой диагностике см.: *Орлова В. Ф.* Судебно-почерковедческая диагностика. 2-е изд. М., 2006.

³⁰ Все сказанное ни в коем случае не нужно понимать как указание на то, что вообще в судебном почерковедении не учитывается теоретическое наследие А. Н. Леонтьева

этих самых основ в том случае, когда речь идет о теории и методологии историко-почерковедческого исследования.³¹ В первую очередь это связано с динамикой развития современного русского письма как социального явления. «Этикетность» рукописного письма — письменный этикет, включающий систему социально регламентированных норм использования письма и требований к нему³² — постепенно разрушалась и на данный момент уже фактически утрачена. Область использования рукописного письма неуклонно сужается, а требования к его качественной и эстетической стороне минимизируются. В этих условиях для решения, по сути, узкоспециализированных задач судебно-почерковедческой экспертизы существующих естественнонаучных основ судебного почерковедения, очевидно, достаточно, и нет нужды в рассмотрении индивидуального письма как социального поведения и в разработке понимания письма как деятельности. Однако при создании универсального учения о почерке и при формировании теории исторического почерковедения ситуация кардинально меняется. Применительно к историческому русскому письму у нас существует достаточно убедительных примеров, показывающих, что индивидуальное письмо не просто являлось формой социального поведения, но и осознавалось в таком качестве самими пишущими.³³ В этой связи нельзя не отметить, что рассмот-

ва. Подобное утверждение было бы, по меньшей мере, неверным. В качестве примера, доказывающего обратное, достаточно сослаться на разработку понятия письма, принятую применительно к судебному почерковедению М. В. Бобовкиным, и имеющую важное значение для всех областей изучения письменной деятельности (*Бобовкин М. В. Теория и практика судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии. Волгоград, 2005. С. 98–122*). Однако на уровне понимания *почерка* потенциал идей Леонтьева остается еще далеко не исчерпанным, а, скорее, лишь начинает осознаваться.

³¹ Отметим, что и в современном судебном почерковедении нет полной удовлетворенности закрепившимся определением понятия «почерк» (см., например: *Бондаренко П. В. Замечания к определению понятия почерк // Человек как источник криминалистически значимой информации: Материалы Всерос. межведомств. науч.-практ. конференции. Саратов, 2003. Ч. 2. С. 8–10*).

³² Показательно, что в конце XIX в. (в 1886 г.) поэт С. Я. Надсон в письме к одной из своих поклонниц непосредственно говорит о существовании этикетных норм в отношении подписи, называя их «житейским регламентом»: «Простите за росчерк: забыл, что в письмах к даме житейским регламентом он не допускается» (*Надсон С. Я. Полн. собр. соч. / С портретом, факсимиле и биографическим очерком. Пг., 1917. Т. 2. С. 562*).

³³ Так, например, в русской письменной культуре втор. пол. XIX в. мы видим наличие осознания письма как социального поведения. Достаточно упомянуть «тему» А. П. Чехова «Почерк по чину, или метаморфозы подписи Карамболева», реализованную в юмористических рисунках А. И. Лебедева (с текстом Чехова) в № 51 журнала «Осколки» за 1884 г. (см.: *Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1975. Т. 3: Рассказы. Юморески. «Драма на охоте». 1884–1885. С. 472, 604*). К подобным примерам можно отнести и замечание, к сожалению, фактически «вычеркнутого» из историографии отечественной науки о письме в результате гонений на графологию (и, безусловно, недооцененного) представителя советской научной графологии Д. М. Зуева-Инсарова: «Я знал одного почтового служащего, достаточно нетребовательного в своих личных привычках, способного удовлетворяться очень небольшим. Его почерк отличался также простотою и естественностью. Но вот постепенно этот че-

рение индивидуального письма как формы социального поведения, особенно взятое в исторической динамике, открывает огромные перспективы для использования исследований массовых почерковых материалов как

ловек стал продвигаться по службе, вплоть до заведующего одним из провинциальных почтовых отделений. С этих пор стало расти и его честолюбие: он стал следить за своей внешностью, оборотами речи, часто устраивать попойки, в которых любил играть роль хозяина. Это стремление к широкому образу жизни сказалось и на почерке, который стал отличаться общей украшенностью, затайливостью рисунков отдельных букв и т. п.» (*Зуев-Инсаров Д. М. Почерк и личность: (Способ определения характера по почерку, графологический метод изучения личности)*. М., 1930. С. 28; здесь же приведен образец подписи описанного служащего, очевидно, представляющий собой пример эволюции его почерка). Всем хорошо знакомый диалог князя Мышкина с генералом Епанчиным из «Идиота» Ф. М. Достоевского, в котором Мышкин дает пояснение генералу к своим каллиграфическим этюдам, также может рассматриваться как подтверждение наших слов. В качестве иллюстрации процитируем его часть: «Вот и еще прекрасный и оригинальный шрифт, вот эта фраза: “усердие все превозмогает”. Это шрифт русский писарский или, если хотите, военно-писарский. Так пишется казенная бумага к важному лицу, тоже круглый шрифт, славный, черный шрифт, черно написано, но с замечательным вкусом. Каллиграф не допустил бы этих росчерков или, лучше сказать, этих попыток расчеркнуться, вот этих недоконченных полухвостиков, — замечаете, — а в целом, посмотрите, оно составляет ведь характер, и, право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось, и талант просится, да воротник военный туго на крючок стянут, дисциплина и в почерке вышла, прелесть! <...>

— Ого! да в какие вы тонкости заходите, — смеялся генерал, — да вы, батюшка, не просто каллиграф, вы артист, а? Ганя?

— Удивительно, — сказал Ганя, — и даже с сознанием своего назначения, — прибавил он, смеясь насмешливо.

— Смейся, смейся, а ведь тут карьера, — сказал генерал. — Вы знаете, князь, к какому лицу мы теперь вам бумаги писать дадим?» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Художественные произв.: Т. 1—17. Л., 1973. Т. 8: Идиот. С. 29—30*). *Этикетность* современного ему русского письма (подписи) даже стала предметом юмористического «психологического этюда» А. П. Чехова «Пережитое», опубликованного в 1883 г., отрывок из которого с сокращениями мы здесь позволим себе привести:

«Я взглянул на лист. Подписей слишком много и ...о лицемерии! О двуличии! Где вы, росчерки, подчерки, закорючки, хвостики? Все буквы кругленькие, ровненькие, гладенькие, точно розовые щечки. Вижу знакомые имена, но не узнаю их. Не переменяли ли эти господа свои почерки?

Я осторожно умокнул перо в чернильницу, неизвестно чего ради сконфузился, притаил дыхание и осторожно начертил свою фамилию. Обыкновенно я никогда в своей подписи не употреблял конечного “ера”, теперь же употребил: начал его и закончил.

— Хочешь, я тебя погублю? — услышал я около своего уха голос и дыхание Петра Кузьмича.

<...>

— Каким образом? — спросил я.

— А таким... Как меня пять лет тому назад фон Кляузен погубил... Хе-хе-хе. Очень просто... Возьму около твоей фамилии и поставлю закорючку. Росчерк сделаю. Хе-хе-хе. Твою подпись неуважительной сделаю. Хочешь?» (*Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1974. Т. 1: Рассказы. Повести. Юморески. 1880—1882. С. 468, 596*).

Очень интересный пример *письменного поведения* упомянут в уже обсуждавшемся пособии С. А. Рейсера «Русская палеография нового времени», где отмечено, что

инструмента изучения общества: инструмента стратегической диагностики глобальных социокультурных процессов.³⁴

Определение почерка, существующее в судебном почерковедении, не может рассматриваться как универсальное, а лишь как частное. Оно пред-

в «неизданных воспоминаниях Л. Д. Менделеевой-Блок (ЦГАЛИ) также рассказывает о том, как из любви к мужу она «даже почтовую бумагу переменяла, даже почерк» (Рейсер С. А. Русская палеография нового времени. С. 63). Наконец, нельзя не напомнить читателю великолепный булгаковский пример понимания изменений в индивидуальном письме (в подписи) как осознанного поведения, который одновременно является и примером художественного ощущения связи процессов, происходящих в индивидуальном письме, с процессами, происходящими в обществе. Представляя в 1923—1924 гг. в романе «Белая гвардия» события в Киеве 1918 г., М. А. Булгаков писал: «За глаза же, в третьем лице, никто не называл инженера иначе, как Василиса. Случилось это потому, что домовладелец с января 1918 года, когда в городе начались уже совершенно явственно чудеса, сменил свой четкий почерк и вместо определенного “В. Лисович”, из страха перед какой-то будущей ответственностью, начал в анкетах, справках, удостоверениях, ордерах и карточках писать “Вас. Лис.”» (Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 1: Записки юного врача. Белая гвардия. Рассказы. Записки на манжетах. С. 201).

С точки зрения демонстрации связи индивидуального письма и *социальной роли* пишущего показательными представляются некоторые из упомянутых в книге Зуева-Инсарова опытов 1890-х гг. с письмом в состоянии гипноза, особенно изменения признаков подписи у человека, которому было внушено, что он — Наполеон Бонапарт (Зуев-Инсаров Д. М. Почерк и личность. С. 18—19). Абстрагируясь от оценки этих опытов с точки зрения проявления в почерке психологических особенностей пишущего, что собственно и составляло основной интерес как проводивших опыты графологов, так и самого Д. М. Зуева-Инсарова, отметим, что в этих экспериментах фактически была сделана попытка внушения испытуемому убеждения в том, что он обладает определенным уникальным *социальным статусом* (является Наполеоном) и зафиксирован факт изменения его письма в состоянии гипноза в соответствии с представлением о воспринятой *социальной роли*.

³⁴ Некоторые «предчувствия» такого подхода можно увидеть уже в творчестве Д. М. Зуева-Инсарова, например, в его рассуждениях о немецких и французских почерках XVI—XVIII вв. и о современных автору процессах в русском письме (Зуев-Инсаров Д. М. 1) Строение почерка и характер. М., 1934. С. 15—16; 2) Почерк и личность. С. 32—33, 35). Несмотря на всю безусловную наивность, поверхностность и упрощенность наблюдений Зуева-Инсарова над историческим и современным письмом, а также на «вульгарный марксизм», лежавший в основе его методологических построений, нельзя не оценить интуицию, которая наблюдается в текстах этого автора. Можно привести ещё один пример того, как в творчестве Д. М. Зуева-Инсарова представляющаяся сегодня устаревшей и примитивной методология сочеталась с исключительно интересным и перспективным пониманием индивидуального письма как социокультурного явления. В книге графолога есть такое палеографическое замечание: «В почерке, как классовом явлении, мы можем отметить примерно ту же смену стилей, какую мы наблюдаем в историческом процессе развития изобразительных искусств» (Зуев-Инсаров Д. М. Строение почерка и характер. С. 15). Характерно, что подобные взгляды начали развиваться в отечественной палеографии (уже без опоры на «классовую теорию») только через тридцать лет после публикации последних работ Зуева-Инсарова (см.: Малов В. Н. Что такое палеография // ВИ. 1966. № 2. М., 1966 С. 210).

В связи со всем сказанным, хочется особо подчеркнуть, что очевидно назрела необходимость в разработке направления, которое точнее всего будет определить как

ставляется недостаточно полным с точки зрения почерковедческого изучения русского исторического письма, впрочем, как, наверное, и с точки зрения любых почерковедческих исследований за пределами судебной экспертизы. Для исторического почерковедения необходимо более широкое (всеобъемлющее) определение, отражающее «почерковые реалии» как настоящего, так и прошлого во всей их полноте. Естественно, что такое определение должно соответствовать и «почерковым реалиям» древнерусского письма. Для того чтобы дать определение понятия почерка, которое может полностью удовлетворять задачам изучения исторического письма в целом и древнерусского письма в частности, обязательно необходимо исходить из рассмотрения индивидуального письма не только как системы движений, но и как формы *социального поведения* пишущего, как его *деятельности* (с учетом представлений о структуре деятельности). Исходя из всего сказанного, нам представляется наиболее правильным определить **почерк** как **привычный образ действия пишущего при выполнении рукописей, который находит свое материальное выражение в письме рукописного документа**. Такое понимание почерка не противоречит используемому в современном судебном почерковедении определению, а расширяет его и включает в себя.

Чтобы показать обоснованность и практическую пригодность для историко-почерковедческих исследований предложенного определения понятия *почерк* необходимо представить систему категорий, с помощью которых может быть охарактеризовано индивидуальное письмо русских рукописей в его исторических формах. До сих пор такая целостная *система*

деятельностный подход к изучению индивидуального письма в почерковедении. На его базе должен быть сформирован *поведенческий* (или *социально-ролевой*) метод анализа письма. Этому методу (как и самому подходу) еще только предстоит сложиться, однако в отечественной науке о почерке он возникает далеко не на пустом месте. У него есть свои национальные истоки, один из которых лежит в научной графологии 1920–1930-х гг. Показательно, что сегодня в изучении почерка в России графология опять начинает восприниматься как своего рода «*disciplina grata*» (см., например, публикацию в 2008 г. издательством «Юрлитинформ» в серии «Библиотека криминалиста» учебно-методического пособия С. Ю. Алесковского и Я. В. Комиссаровой (Алесковский С. Ю., Комиссарова Я. В. Основы графологии. М., 2008). Разработка *социально-ролевого метода* изучения индивидуального письма, основанного на *деятельностном подходе*, обещает большие перспективы с точки зрения возможности «наведения мостов» между почерковедением, современной научной графологией и палеографией (включая неографию), делая их взаимодополняющими и взаимообъясняющими дисциплинами. При этом формирование данного метода в качестве самостоятельного инструмента изучения письма должно служить страховкой от бихевиористического упрощения в понимании индивидуального письма как поведения. То, что опасность такой примитивизации существует у современных отечественных судебных почерковедов, наглядно видно на примере попытки интерпретации Р. В. Бондаренко и Е. Г. Гулиной связи изменения подписи человека с изменением его служебного положения, политической карьеры и т. п. Не случайно авторы свели все возможные в этих случаях изменения подписи, по сути, лишь к признакам ее упрощения (Бондаренко Р. В., Гулина Е. Г. Криминалистическое исследование подписей. Подпись как объект почерковедческого исследования: Учеб. пособие. М., 2011. Ч. 1. С. 14–15).

категорий характеристики индивидуального письма русских исторических документов (в том числе и древнерусских) разработана не была, хотя по отдельности многие из категорий в науке о рукописях уже выделены. Формирование целостной категориальной системы представляется необходимым, так как именно она определяет структуру понятия *погερк* и только на ее основе может быть разработана *дескриптивная модель* письма исторических документов, т. е. система признаков почерка, предназначенная для описания индивидуального письма и идентификации пишущего по письму. Отталкиваясь от богатого опыта отечественных исследований рукописных документов, мы можем на примере древнерусского письма XVI в. — эпохи в истории древнерусской письменности, для которой мы имеем наиболее развитую систему рукописного письма — предложить предварительный вариант такой системы категорий. Ориентируясь, прежде всего, на материал рукописной книги, можно выделить следующие категории, характеризующие индивидуальное письмо, наблюдаемое в той или иной конкретной рукописи:

— **Тип письма:** (для русского письма XVI в. это полуустав и скоропись).³⁵

³⁵ В нашей работе основой для примеров является рукописная книжность Московской Руси; соответственно, речь идет о «московском» полууставе и скорописи.

В данной публикации используется категория *тип письма* исходя из того, что на сегодня она уже прочно закрепилось в отечественной палеографии (см., например: Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 150; Крушельницкая Е. В. Палеография // Специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие. СПб., 2003. С. 49–50), хотя это и произошло далеко не сразу (другая терминология встречается, например, у В.Н. Щепкина — Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 105–106), включая и споры по поводу самой системы классификации типов кириллического письма (см., например: Mošin V. Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici // Slovo: Ćasopis Staroslavenskogo institute. № 15–16. Septembar. 1965. Zagreb, 1965. S. 150–182). Отметим, что так как в данной статье рассматривается исключительно почерковедческая проблематика (вопросы теории и методологии анализа индивидуального письма), то автор не ставит своей задачей специально обсуждать проблемы палеографической терминологии описания и классификации русского письма. Мы прекрасно понимаем, что сама по себе категория *тип письма* является структурно сложной и включает в себя целую систему подкатегорий, имеющих свою иерархию и отражающих национальную, территориальную и тому подобную специфику письма того или иного *типа* (например: русский полуустав, болгарский полуустав, западнорусский полуустав; старший полуустав и т. д. и т.п.), кроме того, она по-прежнему остается далеко не до конца разработанной в русской палеографии (подробнее об этом см.: Быстрова Е. С. Скоропись в русской палеографии // Фотография. Изображение. Документ. 2011. СПб., 2011. Вып. 2 (2). С. 52–55). Однако применительно к проблеме формирования категориальной системы (характеризующей индивидуальное письмо), необходимой для определения понятия *погερк* в русском историческом письме, считаем возможным в настоящей работе воспользоваться категорией *тип письма* без ее сложной палеографической детализации.

В этой статье не упоминается такое явление древнерусской рукописной культуры как вязь. Это связано со специфическим «промежуточным» положением вязи между письмом и орнаментом (Кондрашкина Е. С. Проблемы изучения русской вязи // Материалы XXVI Всесоюз. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический

- в рамках типа письма могут выделяться его **графико-функциональные разновидности** (например: *литургический полуустав*) или **графические разновидности** (например: *грецизированный полуустав*).
- **Профессионально-функциональная форма письма:**
 - **обычное письмо** — письмо, которое не может быть классифицировано как соответствующее нормам профессионального письма рукописных книг или нормам профессионального письма актовых документов;³⁶
 - **профессиональное письмо**, подразделяющееся в свою очередь на:
 - книжное и «канцелярское» (деловое).*³⁷
- **Стабильные графико-стилистические варианты индивидуального письма**, которые лучше всего называть **манерами (манерами письма)**. В основе *манеры письма* как графического явления лежит **шрифтовая модель** — «идеальный» графический образ письма, имеющийся у пишущего и полностью или частично осознаваемый им. *Шрифтовой моделью* может являться образец обучения, на основании которого пишущий учился письму. Также она может быть выбрана как образец для подражания в результате знакомства с рукописями других писцов. Возможна разработка *шрифтовой модели* и самим писцом, как, например, в случае мастера-каллиграфа, создающего собственный шрифт. Наконец, такая модель может возникать как гибрид различных моделей (межмодельные сочетания) или в результате модификации образца обучения путем изменения его графических форм на более «созвучные» носителю модели.³⁸ Процесс формирова-

прогресс». Филология. Новосибирск, 1988. С. 57). Из-за этой специфики сама возможность почерковедческого исследования вязи требует отдельного предварительного рассмотрения.

³⁶ Проблеме *обычного письма* и его роли в развитии письма уделено большое внимание в латинской палеографии в работах Д. Ченчетти и его последователей и в теории Маллона—Маришалья, которые были представлены отечественным специалистам в публикациях А. Д. Люблинской (см., например: *Люблинская А. Д. Латинская палеография*. С. 54—56) и В. Н. Малова (*Малов В. Н. Итальянская школа латинской палеографии и теория Маллона—Маришалья // ВИД. Л., 1985. Т. 17. С. 321—342*). В своем понимании *обычного письма* мы не старались специально ориентироваться на опыт латинской палеографии (где это понятие появилось), но учитывали его.

³⁷ В современной отечественной науке применительно к русским рукописям о необходимости выделения трех «графических систем»: «бытовое письмо», «канцелярское письмо», «книжное письмо» пишет Л. В. Мошкова (*Мошкова Л. В. «Белые пятна» русской палеографии*. С. 236—237). О проблеме взаимоотношения терминов «деловое письмо» и «скоропись» в русской палеографии см.: *Быстрова Е. С. Скоропись в русской палеографии*. С. 55—56.

³⁸ Категории *тип письма*, *профессионально-функциональные формы письма* и *графико-стилистические варианты индивидуального письма (манеры)* могут пересекаться, например, в тех случаях, когда одна разновидность полуустава используется писцом в качестве «парадной» манеры, а другая составляет его *повседневное письмо*, или когда

ния или модификации модели может оказаться как условно единовременным, так и растягиваться на длительный период. По своей природе *шрифтовая модель* должна рассматриваться как эстетическое явление (как некое осознанное или частично осознанное представление писца о красивой, уместной, «комфортной» графической форме письма). Методология ее реконструкции (насколько это возможно) и анализа должна основываться на теории шрифта, принципах и методах построения шрифтов. Для современного пишущего наиболее привычной является *шрифтовая модель* — образец обучения, представленный в виде школьных прописей, однако применительно к древнерусской письменной культуре и особенно к профессиональному книжному письму ситуация со *шрифтовыми моделями* является гораздо более сложной.³⁹ *Манера письма* пишущего имеет навыковую природу и должна рассматриваться как своего рода результат и как навык исполнения *шрифтовой модели*, который фиксируется в рукописи, образуя *графико-стилистический вариант индивидуального письма*.⁴⁰

у одного писца существует и полууставная, и скорописная манера письма, или при наличии у профессионального писца одной манеры, характеризующейся как *профессиональное книжное письмо*, и другой, относящейся к *обычному письму* (например, когда оно одновременно является *зерновой манерой* этого писца), и т. д. и т. п. В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что отдельные конкретные случаи «пересечения» разных категорий не дают оснований для утверждения, что мы в целом имеем дело с одной категорией, но обозначаемой различными синонимичными понятиями. Так, например, понятие *обычное письмо* (входящее в *профессионально-функциональные формы письма* — категорию, определяемую возможностью отнесения письма к тем или иным профессиональным «нормам») не надо рассматривать как синоним понятия *повседневное письмо* (принадлежащего к категории, отражающей функционально-качественные характеристики письма).

³⁹ Говоря о *шрифтовой модели*, необходимо предостеречь читателей от возможного рассмотрения этого понятия как прямого аналога «идеальной графической модели», как составляющей «нормативного письма» — понятия, известного из исследований в области латинской палеографии (подробнее см.: Малов В. Н. Итальянская школа... С. 333–334). Хотя в определенных ситуациях пересечение между предлагаемыми нами понятиями *шрифтовой модели* и «нормативным письмом», безусловно, существует.

⁴⁰ В этой статье нет возможности специально останавливаться на истории понятия «манера письма» в русской палеографии и на том значении, которое имела категория «манеры» в работах специалистов по древнерусскому письму. Отметим только, что понятие это давно закрепилось в отечественной научной литературе. Например, как характеристика индивидуального письма древнерусских рукописей оно было использовано Н. В. Синицкой в ее работе, опубликованной в 1974 г. (*Синицына Н. В. Отождествление почерков русских рукописных книг...* С. 93–99). Позже, в связи с проблемой исследования индивидуального письма, «манера» обсуждалась А. А. Амосовым (*Амосов А. А. Из истории создания Лицевого летописного свода: (Организация работы по написанию рукописей) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 217; 2) Летописный свод Ивана Грозного. С. 179; 3) Развитие кириллического письма в России до XV в. С. 59–60*). Существует это понятие и в западной палеографии (*Киселева Л. И. Западноевропейская рукописная и печатная книга...* С. 137).

Связь понятия *манера письма* со *шрифтовой моделью* приводит к тому, что на уровне профессионального сленга разными «манерами» в рукописи могут условно на-

Распространение одной *шрифтовой модели* на группу писцов — реализация разными писцами единой *шрифтовой модели* — позволяет говорить об общем *стиле письма* у этих писцов (об их письме одним *стилем*). Соответственно в основе *стиля письма* лежит единство *шрифтовой модели*.⁴¹

зываются различные части ее текста, имеющие броские графические отличия письма, а одной «манерой» — участки текста, для которых создается впечатление их графико-стилистической общности. Так, в многолетней практике Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа (ЛКИиНТЭД) Отдела рукописей (ОР) Российской национальной библиотеки (РНБ) закрепились традиции при характеристике письма рукописей в тех случаях, когда не проводилось специализированное историко-почерковедческое исследование, выделять в историческом документе «в рабочем порядке» не разные *погерки*, а разные «манеры», понимая под областью, относящейся к той или иной «манере», ту часть текста документа, где наблюдается графико-стилистическая близость письма. В этих случаях отнесение тех или иных участков рукописи к одной «манере» еще не означает утверждения того, что они выполнены одним человеком, так же как и отнесение каких-либо участков текста к разным «манерам» не рассматривается как факт их исполнения разными писцами. Такое условное разделение текста на «манеры» обеспечивает предварительную типологизацию письма рукописи как подготовительного этапа для будущего историко-почерковедческого исследования, которое одно только и может объективно и доказательно произвести идентификацию пишущего по письму. Близкий подход к использованию термина «манера» был предложен А. А. Амосовым в исследовании Лицевого летописного свода (Амосов А. А. Из истории создания Лицевого летописного свода. С. 217).

⁴¹ Единство *стиля письма* у разных писцов может быть связано как с одним образцом обучения или с формированием их индивидуального письма в одной письменной среде — в этих случаях речь должна идти о принадлежности писцов к одной **школе письма** — так, например, и с подражанием одного пишущего письму другого без непосредственного обучения у него и без принадлежности этих писцов к единой среде. В последнем случае говорить об одной школе нет оснований. Мы специально остановились здесь на этом моменте, чтобы показать, что на практике категория *школа письма* при анализе письма конкретной рукописи «поглощается» категорией *стиль письма*. При этом сегодня определение принадлежности нескольких рукописей к одной *школе*, только исходя из исследования их письма, не представляется возможным. Оно требует получения дополнительных, косвенных («внепочерковых») данных. Все это позволяет нам исключить *школу письма* из рассмотрения в системе категорий, характеризующих индивидуальное письмо, наблюдаемое в конкретной рукописи.

При формулировке содержания категории *стиль письма* мы учитывали определение этого понятия, предложенное Л. Жилиссеном для решения задач «экспертизы» латинского средневекового письма (см.: *Gilissen L. L'expertise des écritures médiévales...* С. 50—54; *Киселева Л. И.* Западноевропейская рукописная и печатная книга... С. 137). В целом понимание «стиля письма» и его природы, сложившееся в латинской палеографии (см., например: *Киселева Л. И.* Готический курсив ... С. 93—94; *Мажуга В. Н.* Почерк в латинском письме конца VIII—середины XIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979 (на правах рукописи). Гл. III «Взаимодействие техники и стиля латинского письма конца VIII—XI в.». Л. 107—163), не может быть просто перенесено на материал древнерусских рукописей. Однако оно должно обязательно приниматься во внимание при разработке методологии изучения индивидуального письма в Древней Руси. В исследовании древнерусских рукописей рассмотрение проблемы «стиля письма» также имеет свою традицию. Здесь необходимо, прежде всего, указать на работы Л. М. Костюхиной (*Костюхина Л. М.* О некоторых принципах отождествления и типизации почерков...

Графико-стилистические варианты индивидуального письма (их выбор и специфика) определяются:

- **типологией или характером выполняемого текста** (например, использование различных *манер* для основного текста и для колофона рукописи или в том случае, когда *манера* письма копииста выбирается под влиянием графики письма копируемого оригинала и «подстраивается» под него);⁴²
- **функционально** (различие *манер* в зависимости от установки на конкретные функции выполнения текста):
зерновое письмо,
«повседневное» письмо,
«парадная» манера,
 а также *каллиграфия*, которая должна рассматриваться как особая самостоятельная форма «парадной» манеры письма.⁴³

С. 19, 27) и Л. П. Жуковской (*Жуковская Л. П.* ЭклиITTERальные способы определения разных почерков. С. 29), чье понимание «стиля» применительно к индивидуальному письму имеет много общего. Наконец, стоит отметить, что вопрос «стиля письма (почерка)» разрабатывался и в русской палеографии Нового времени (*Белоконь Е. А.* Развитие русского письма в конце XVIII—первой четверти XIX века. С. 18). К сожалению, в пределах настоящей публикации у нас нет возможности специально рассмотреть историю проблемы «стиля письма» в палеографии — это тема отдельного историографического исследования (так же как и история разработки понятия «манера письма»).

В данной работе мы подходим к проблеме *стиля письма* только с почерковедческой точки зрения, т. е. как к одной из категорий, характеризующих индивидуальное письмо. Очевидно, что с точки зрения анализа исторической эволюции графики русского письма, его хронологической и географической специфики, классификации различных графических явлений в истории русского письма, т. е. с палеографической точки зрения, *стиль письма* должен рассматриваться как более сложное понятие. Здесь необходимо учитывать то, что различные *шрифтовые модели* могут быть взаимосвязаны и находиться друг с другом в иерархических отношениях, формируя разные «уровни» категории *стиль письма*. В этой ситуации понятие *стиль* оказывается соответствующим *графической разновидности* того или иного *типа письма*. Тогда внутри уже самой категории *стиля* возможно выделение соответствующих подкатегорий, к которым и будут относиться *шрифтовые модели*, «объединяющие» конкретных писцов. Видимо, такие подкатегории правильно определить как *внутристилевые группы* по аналогии с рассматриваемыми Л. М. Костюхиной «стилистическими группами», под которыми исследовательница подразумевала, правда, без какой-либо четкой разработки понятия и его содержания явление, сходное с указанным нами (см., например: *Костюхина Л. М.* 1) О некоторых принципах... С. 27; 2) Почерки московских писцов... С. 187—186). Подчеркнем, что различием в словоупотреблении прилагательных «стилевые» и «стилистические» мы сознательно отделяем стилевые особенности графики письма от стилистики его исполнения писцом. Необходимо учитывать, что при «палеографическом» подходе рассмотрение *стиля* в рукописном письме как эстетического явления имеет особое значение, но эта проблематика выходит за рамки нашей статьи.

⁴² Интересный пример ориентировки древнерусских писцов на копируемый оригинал приводит Л. В. Мошкова (*Мошкова Л. В.* «Белые пятна» русской палеографии. С. 233). Сюда же можно отнести и те случаи, когда при последовательном написании документа следующий писец «подстраивает» свое письмо под графику предыдущего.

⁴³ Под каллиграфией мы понимаем профессиональное письмо, в котором присутствует осознанная установка на эстетизацию. Каллиграф не только нацелен на выполнение ясного и четкого текста, он старается также наделить письмо художественной

Необходимо особо подчеркнуть, что **функционально-кажественные манеры** письма у одного пишущего (*герновое письмо*, «повседневное» письмо, «парадная» манера) могут иметь в основе своей графики одну *шрифтовую модель*, но при этом их различают выраженные отличия в качественных характеристиках письма исполняемых текстов. В этом случае манеры отличаются степенью их «отстояния» от *шрифтовой модели* — стабильным характером «модификации» (или «деградации») этой модели исходя из функциональных задач письма. Что касается различия *шрифтовых моделей* в разных манерах у одного писца, то оно характерно, прежде всего, для случаев, когда выбор той или иной манеры связан с **типологией выполняемого текста**.⁴⁴ Однако, очевидно, что говорить об однозначном жестком

выразительностью. Для исполнения такого письма, для реализации его эстетической составляющей обязательным является наиболее высокий профессиональный уровень овладения навыками письма. Каллиграфическое письмо предполагает единство, соответствие, взаимообусловленность элементов, подчинение их общей закономерности, т. е. в каллиграфии пишущий осознанно стремится к соблюдению строгого стилистического единства письма. Необходимо специально подчеркнуть, что при создании рукописи писец может выполнить каллиграфией не весь текст, а только отдельные его части (например, начальные страницы самостоятельных частей текста рукописи). Установка на регулярность письма, графическое единообразие одинаковых элементов знаков (за исключением стилистически обоснованной вариационности знаков и элементов) при соответствии и взаимообусловленности элементов письма делает каллиграфическое письмо максимально приближенным к шрифту — к *шрифтовой модели*. Соответственно, каллиграфия дает нам наиболее точные представления о *шрифтовой модели*, реализуемой в письме, а в определенных случаях каллиграфическое письмо непосредственно и реализуется с установкой на «модельность» (например, как в случае рукописной основы русских прописей курсивного периода).

Применительно к древнерусской рукописной книжности следует отметить, что каллиграфия не обязательно означает медленное письмо. Безусловно, низкий темп позволяет качественней выполнять сложные элементы букв. Однако более быстрый темп (при продуманной работе со шрифтом, соответствующим избранной скорости исполнения текста, и должном профессиональном мастерстве пишущего) может придавать письму свойства, создающие его особую выразительность.

Предлагаемое понимание каллиграфии является результатом совместной работы с художником-каллиграфом, специалистом в области искусствоведческого исследования древнерусской письменной графики — М. А. Скопиной. Эта работа проводится в рамках осуществления проекта «Памятники древнерусской каллиграфии» (реализуемого под руководством автора данной статьи на базе ЛКИиНТЭД ОР РНБ и Института истории СПбГУ), некоторые методические результаты которого нашли свое отражение в магистерской диссертации Скопиной «Проблема художественного единства письма и орнамента древнерусских полууставных рукописных книг XV—XVII веков», защищенной в 2014 г. на кафедре истории русского искусства Института истории СПбГУ.

⁴⁴ Включая сюда и случаи, когда один писец использует различные *профессионально-функциональные формы письма*: одну манеру (или манеры), относящуюся к книжному письму, для профессиональной переписки рукописных книг, другую, относящуюся к «канцелярскому» письму, — для профессионального исполнения актовых документов. Очевидно, что в этой ситуации в условиях исторического письма *шрифтовые модели*, лежащие в основе графики таких манер, могут различаться, в том числе и на уровне типа письма (например, принадлежа в одном случае к полууставу, а в другом к скорописи).

размежевании *манер* на группы (группа *функционально-качественных манер* и группа *манер, используемых для разделения текстов по их типологии*) не стоит: граница между этими группами должна восприниматься как достаточно условная, а отнесение *манеры* письма рукописи к той или иной группе требует в каждом конкретном случае специального анализа.

Кроме того, та или иная *манера* письма может иметь в практике пишущего различные **стабильные технические формы реализации**, определяемые целевыми установками на соблюдение заданных «технических» параметров рукописи. Например, необходимость исполнить тексты для рукописных книг разного формата (в 1°, 4°, 8°) при работе профессионального писца будет означать и изменение соответствующих технических параметров письма (размера письма, связанного с этим характера заточки орудия письма и т. д.), что в свою очередь отразится на графике письма.

- **Хронологически обусловленные изменения индивидуального письма** (на уровне *манеры*), наблюдаемые в разновременных документах, выполненных одним лицом, т. е. модификации *манеры* (или нескольких взаимосвязанных *манер*) во времени.⁴⁵ Отметим, что к этой категории стоит относить и хронологические изменения письма, связанные с изменением во времени социальной роли (и социального статуса) пишущего, известные нам, прежде всего, для русского письма «курсивной эпохи».⁴⁶
- **Фазовые модификации индивидуального письма в пределах документа** (на уровне *манеры*), при условии того, что он имеет достаточный объем. К таким *фазовым модификациям* может быть отнесена циклическая динамика письма: внутри писцового «урока» или внутри документа в целом.⁴⁷

⁴⁵ Частично данное явление рассматривается в судебном почерковедении в рамках диагностического исследования письма. Здесь оно может быть отнесено к тому, что В. Ф. Орлова определила как «избирательную и временную (ситуативную) изменчивость почерка» (подробнее см., например: Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. С. 96–98; 100–101, 104, 107–110, 156). Свою историю наблюдения и использования оно имеет и в изучении индивидуального письма исторических документов (Мажуга В. И. Отождествление руки писца... С. 277–279; 285–287).

Очевидно, что у пишущего возможно изменение во времени и самого «набора» *манер*: появление новых, отказ от использования старых. В этом случае *хронологически обусловленные изменения индивидуального письма* уже будут относиться к уровню *почерка* в целом, а не только к уровню *манеры*.

⁴⁶ В качестве одного из примеров можно привести уже упоминавшееся изменение письма почтового служащего, описанное Д. М. Зуевым-Инсаровым.

Отметим, что эволюция индивидуального письма во времени как на уровне какой-либо отдельной *манеры*, так и на уровне *почерка* в целом может быть рассмотрена как своего рода «почерковая биография» пишущего, которая представляет самостоятельный исследовательский интерес. Однако данная проблема требует специальной методологической разработки и выходит за рамки задач настоящей публикации.

⁴⁷ Данная категория имеет большой информационный потенциал в историко-почерковедческом исследовании рукописно-книжных памятников (Амосов А. А. Из истории создания Лицевого летописного свода. С. 217–218; Цыпкин Д. О. Формирование

Приведенная система категорий, характеризующих индивидуальное письмо, наблюдаемое в конкретной рукописи, сама по себе еще не является инструментом описания этого письма. Таким инструментом может стать только соответствующая *дескриптивная модель*, которая будет создана лишь после того, как для каждой категории будет определена собственная система признаков, отображающихся в письме.⁴⁸ Однако описанная система адекватно отражает ту сложность и «многомерность» реалий письменной практики, которые проявляются в индивидуальном письме исторических документов, и наглядно демонстрирует правомерность предложенного нами определения *почерка*.

Ключевой категорией описанной нами системы является *манера письма*. Именно к ней может быть применено уже приводившееся определение из «Словаря основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертизы»: «Основанная на функционально-динамическом комплексе письменно-двигательных навыков и отображаемая в рукописи итоговая программа их выполнения, содержащая зрительно-двигательный образ выполняемой рукописи и специально приспособленную для его реализации систему движений». При этом необходимо уточнить, что «зрительно-двигательный образ выполняемой рукописи», который в судебном почерковедении определяется как «модель» «исполняемых рукописей» — психофизиологический регуляторный компонент итоговой программы, реализуемой письмен-

кодекса... С. 52–55; Мошкова Л. В. Эволюция почерка как исследовательская проблема (На примере писцовых книг Деревской пятины конца XV в.) // Палеография и кодология: 300 лет после Монфокона: Материалы науч. конф. Москва, 14–16 мая 2008 г. М., 2008. С. 119–123; Мошкова Л. В. «Белые пятна» русской палеографии. С. 234–236). Частично эти же явления (относимые к «ситуативной изменчивости почерка») рассматриваются и в судебно-почерковедческой диагностике (Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика ... С. 108–109).

⁴⁸ Собственная система признаков той или иной категории, естественно, не обязательно должна быть уникальной. Очевидно, что во многих случаях одни и те же признаки могут использоваться для описания различных категорий. Нет сомнений и в том, что *дескриптивная модель* индивидуального письма, которую ещё только предстоит разработать для решения историко-почерковедческих задач, должна интегрировать в себя опыт системы признаков почерка, которая давно сформировалась в судебном почерковедении. Однако представляется методологически ошибочным считать, что создание такой модели можно свести к простой адаптации системы признаков почерка, уже существующей в отечественном судебном почерковедении, применительно к историческому почерковедению, как, например, это предлагает Л. Е. Морозова (Морозова Л. Е. Опыт определения авторства... С. 155). Такой подход так же необоснован, как и мнение Е. А. Белоконов, что «идентификационные методы в палеографии, палеографический анализа графики почерков как одной из внешних особенностей рукописи, в сочетании с исследованием других особенностей источников — несоизмеримо богаче криминалистического исследования» (Белоконов Е. А. Развитие русского письма в конце XVIII—первой четверти XIX века. С. 93–94). Впрочем, нельзя не отметить в целом более осторожную позицию этой исследовательницы, считавшей что «перспективным направлением, которое должно будет дать существенные результаты в проведении практических палеографических исследований, нам представляется сочетание в палеографическом анализе индивидуальных почерков методов криминалистики, «традиционной» палеографии и данных математической статистики, а также специальных видов фотографии» (Там же. С. 101).

но-двигательным функционально-динамическим комплексом,⁴⁹ не надо смешивать со *шрифтовой моделью* письма, которая в большинстве случаев должна рассматриваться как своего рода «идеал»-образец для формирования такого образа. Зрительно-двигательный образ является своего рода результатом практического «освоения» (сформировавшейся у пишущего формой выражения) этой *шрифтовой модели*. Как уже говорилось, в определенных случаях к одному «зрительно-двигательному образу выполняемой рукописи» может быть отнесена целая группа *манер* (например: *зерновая манера*, «повседневная» *манера* и «парадное» *письмо*, сформированные на основании общей *шрифтовой модели*), о которых можно сказать, что они представляют собой единую систему движений, «приспособленную для реализации» этого зрительно-двигательного образа, но существующую в нескольких *вариантах* (*манерах-вариантах* одной *системы*). Однако одновременно писец может обладать *манерой* или *манерами*, для которых нужно говорить уже о другом зрительно-двигательном образе и системе движений или образах и системах движений (например, сформировавшихся на базе другого *типа* письма), т. е. *самостоятельными манерами*. При этом нет смысла утверждать, что у нашего писца несколько почерков: *погерк* у него один, но он включает в себя целый комплекс различных *манер*.⁵⁰ Объединяет же все эти *манеры* в системе *погерка*, организует его как

⁴⁹ Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть. С. 111.

⁵⁰ В этом отношении показательна ситуация, наблюдающаяся в судебном почерковедении, когда речь идет о терминологии исследования рукописных текстов, выполненных с подражанием печатному шрифту и специальными шрифтами. Здесь мы встречаемся с указанием на возможность существования у пишущего вместе с «обычной скорописью» еще и «печатного» почерка» (а, соответственно, и «системы признаков «печатного» почерка»). Однако тут же сообщается что «лица, специально обучавшиеся письму различными шрифтами <...> приобретают наряду со старыми навыками скорописного письма новые технические и графические навыки <...> происходит формирование нового письменно-двигательного ФДК навыков. <...> В результате этого наряду с обычным почерком появляется новый вариант почерка [подчеркнуто мною. — Д. Ц.] (чертежный, библиотечный)» (Судебно-почерковедческая экспертиза: Особенная часть: Исследование рукописных текстов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 189—191). Эта терминологическая неточность, при которой остается непонятным, с чем мы все-таки имеем дело: с несколькими *погерками* у одного человека или с существованием у него одного *погерка*, имеющего несколько *вариантов*, наглядно показывает, что и в судебном почерковедении ощущается «дискомфортность» ситуации, при которой приходится постулировать возможность наличия у одного человека нескольких почерков. В конечном итоге, сложности с терминологией возникают от того, что существующее сегодня судебно-почерковедческое определение *погерка* на практике оказывается недостаточно универсальным (всеобъемлющим), даже для сформировавшейся его дисциплины. При этом проблема вряд ли может быть разрешена только с помощью апелляции к «программной вариационности почерка» (подробнее см.: Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть. С. 138—139). По нашему мнению, такое объяснение может оказаться исчерпывающим только в случае вариантов индивидуального письма, соответствующих *функционально-качественным манерам* (имеющим в своей основе одну *шрифтовую модель*). Описанная ситуация подтверждается и материалами «Словаря основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз», где, как уже говорилось, понятие «почерк» определяется как «основанная на функционально-динамическом комплексе письменно-двигательных навыков и отображаемая в рукописи итоговая программа их выполнения, содержащая зрительно-двигательный

сложное многоуровневое целое своего рода интеллектуальный навык — *привычный образ действия* в выборе *манер* в зависимости от конкретной задачи письма и в осуществлении их «взаимодействия» при производстве рукописи.⁵¹ Такой навык уже нельзя непосредственно отнести к навыку решения двигательных задач — это навык выбора и взаимоорганизации других навыков, которые и обеспечивают решение двигательных задач.⁵² Показа-

образ выполняемой рукописи и специально приспособленную для его реализации систему движений». Здесь же представлено и понятие «подписной почерк» с аналогичной формулировкой, в которой лишь произведена замена слова «рукопись» на слова: «подписи конкретного лица» и «подпись». При этом дается пояснение, что «подписной почерк является составной частью почерка». Получается, что речь идет все-таки не о существовании у одного лица нескольких почерков («почерка» и «подписного почерка»), а о наличии у него, как минимум, двух «вариантов» в системе единого *почерка* (Рубцова И. И., Сысоева Л. А., Коршиков А. П., Ермолова Е. И., Безрукова А. И. Словарь основных терминов... С. 15, 16, 57). Казалось бы, в судебном почерковедении к разрешению этой проблемы подошел М. В. Бобовкин, который писал: «Таким образом, мы полагаем, что природа вариационности письменного ФДК, с одной стороны, обусловлена внутренней установкой — мотивом и целью деятельности, а с другой стороны — подвижностью и активной приспособляемостью функциональной системы письма к разнообразным внешним и внутренним сбивающим факторам». Однако здесь же он, исходя из представления о письме только как о «виде речевой деятельности», отмечает, что «программная вариационность реализуется наиболее осознанно. Она является результатом целенаправленной работы интеллекта и распространяется на все компоненты письменного опыта. Избирательное использование возможностей письменной речи направлено на выражение мысли индивида, в связи с чем лексические и грамматические средства находятся в зоне его повышенного внимания. Употребление разнообразия письменно-двигательных средств обращено на фиксацию мысли в рукописи и поэтому в меньшей степени осознается субъектом письма. Относительно использования письменно-двигательного опыта В. Ф. Орлова отмечает, что программная вариационность может затрагивать как общие — интегративные — характеристики почерка, так и локальные. В частности, могут быть выработаны и использованы такие варианты строения почерка, как простой, упрощенный и усложненный. В результате выработки этих вариантов их реализация становится автоматизированной, хотя выбор остается всегда сознательным» (Бобовкин М. В. Теория и практика... С. 118). Т. е. все разнообразие «письменно-двигательного опыта», которое можно понять как составляющее почерк, в этом случае сведено к тому, что мы определили как различные *функционально-качественные манеры* письма на основе одной *шрифтовой модели*.

⁵¹ В таком понимании *почерк* близок к «индивидуальному стилю деятельности», подробнее о котором см.: Чулахов В. Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека. М., 2007. С. 67—68. Обращаясь к интересной и важной монографии В. Н. Чулахова, обязательно необходимо учитывать и ее справедливую критику, представленную в статье В. Я. Толстуцкого и В. Н. Провина «Теория построения движений и ее криминалистическое и экспертное значение» (Толстуцкий В. Я., Провин В. Н. Теория построения движений и ее криминалистическое и экспертное значение // Теория и практика судебной экспертизы: Научно-практический журнал. № 2 (38). 2015. С. 188—193), имеющей, на наш взгляд, очень серьезное методологическое значение.

⁵² В этом случае в один ряд с *почерком* надо ставить и такие, непосредственно не связанные с решением двигательных задач явления, как например: индивидуальный стиль игры шахматиста, «почерк преступника» (его *modus operandi*) и т. п. В этой связи нельзя не отметить далеко не случайное широкое употребление слова «почерк» в русском языке применительно к разным видам человеческой деятельности (подробнее см.: Хавин П. Я. К истории слова *почерк* как термина эстетики // Вопросы теории и истории языка: Сборник в честь профессора Б. А. Ларина. Л., 1963. С. 324—332).

тельным примером может служить привычный выбор писцом одной определенной *манеры* для письма основного текста рукописи, а другой — для письма колофона (притом, что возможно использование и третьей *манеры*, предназначенной для выполнения заглавий). Все эти *манеры* относятся к одному *погерку* так же, как и сам «механизм» их привычного выбора писцом при создании рукописи. В определенных случаях применительно к историческому письму этот *привычный образ действия при выполнении рукописей* можно рассматривать как элемент той или иной личностной стратегии социального поведения, например, когда речь идет о стабильном использовании той или иной *манеры* письма в зависимости от характера или адресата текста (при привычном выборе *манеры* в соответствии с соотношением социальных статусов писавшего и того, кому предназначался документ и т. п.).⁵³

В работе предпринята попытка продемонстрировать, насколько структурно сложным является понятие *погерка* применительно к русскому историческому письму в целом и к древнерусскому письму в частности. Сложность системы категорий, характеризующих индивидуальное письмо рукописи, соответствует сложности и многоуровневости самой системы функционирования рукописного письма в те исторические периоды, когда область и характер его применения были значительно шире, чем у письма современного. Для адекватного понимания индивидуального письма этих периодов недостаточно только разработки вопросов его психофизиологии, важно и формирование соответствующих представлений непосредственно о психологических, социологических и эстетических аспектах письма. Как уже говорилось, большое значение в качестве теоретического фундамента непосредственно для психологической интерпретации индивидуального письма и его функционирования в обществе может иметь психологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева. Приведем лишь один пример. Так, используя категории теории деятельности, мы можем отметить, что в древнерусской рукописной культуре письмо (в том числе и у одного и того же

⁵³ В связи со взглядом на письмо как на форму социального поведения (*письменное поведение*) перспективным представляется рассмотрение индивидуального письма в качестве маркера и манифестации культурной ориентации пишущего. Применение такого подхода может оказаться интересным и в более широком плане: в связи с вопросом о механизмах формирования того явления, которое точнее всего будет обозначить как *письменную моду* и которое можно наблюдать в русском письме самых разных исторических периодов (одним из примеров такой моды в письменной культуре Московского государства, на наш взгляд, может служить распространение и функционирование так называемого грецизированного полуустава). Наконец, он имеет и общепочерковедческие «последствия», так как приводит к постановке проблемы **социальной (социокультурной) природы почерка**, которая должна изучаться наравне с его психофизиологической природой.

Стоит также отметить, что подход к письму как к форме социального поведения в отношении к культуре Древней Руси косвенно ведет к возникновению вопроса о существовании в древнерусском письме этикетных норм, который до настоящего времени еще не поднимался (в отличие от проблемы этикета в древнерусской литературе, исследовавшей Д. С. Лихачевым: см. раздел «Литературный этикет» в его «Поэтике древнерусской литературы» — *Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы*. Смех как мировоззрение и другие работы СПб., 2001. С. 209—231).

лица) может осуществляться и как *действие* (состоящее в свою очередь из мало или совсем не осознаваемых *операций*), например, в случае обычной профессиональной переписки книг; и как *деятельность*, когда мы имеем дело со случаями каллиграфии, в которых само качество письма, его эстетические характеристики и т.п. становятся для пишущего основным смыслом его труда (например, когда каллиграфический текст фактически не предполагает возможности прочтения и носит сугубо эстетический характер,⁵⁴ или когда каллиграфическое произведение в основной своей части содержит исполнение отдельных письменных знаков и их сочетаний, а не связного текста⁵⁵ и др.). В последнем случае вряд ли будет верным определять рукописное письмо «как процесс, подчиненный единой цели — фиксации мысли в рукописи для передачи ее на расстоянии и для сохранения во времени».⁵⁶ Здесь мы имеем дело с явлением, которое в психологической теории деятельности определяется как «сдвиг мотива на цель» (превращение цели в мотив): переход писца к каллиграфии преобразует для него процесс письма из *действия* в *деятельность*. Такое преобразование может сказываться и на технике письма (относящейся в теории деятельности к уровню *операций*).⁵⁷ Например, в случае некурсивного письма переход от просто книжного письма к каллиграфии может иметь своим следствием систематическое появление в письме частичной дорисовки («доводки») деталей письменных знаков, т. е. сочетание письма с элементами техники рисования. Однако и здесь в исполнении письменных знаков по-прежнему господствуют именно приемы письма,⁵⁸ а дорисовка, выполняющаяся каллиграфом с помощью выработанных движений, представляющих собой реализацию соответствующего сформировавшегося навыка, является лишь своего рода «дополнением» к этим приемам. Очевидно, что речь идет не о «деавтоматизации» навыка и не о переходе к какому-то особому «рисованному письму». Перед нами явление, которое описывается в рамках пси-

⁵⁴ В качестве примера можно привести каллиграфическую композицию (монокондил), представленную в памятнике искусства русского письма 70-х гг. XVII в. — «Азбука скорописная письмо фряское глаголемоя» 1676 г. (РНБ, Ф.ХІІІ.5, Л. 13). О подобных каллиграфических явлениях в древнерусской письменности см.: *Сперанский М. Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 4.3. С. 143—151.

⁵⁵ К таким случаям относятся древнерусские азбуки-свитки.

⁵⁶ Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть. С. 111.

⁵⁷ О категориях *операции*, *действия* и *деятельности* в структуре деятельности А. Н. Леонтьева см., например: *Савина Е. А.* Введение в психологию. С. 24—25; *Сидоров К. Р.* Уровневая модель психики. С. 56—58.

⁵⁸ Не ставя своей целью в настоящей статье специально рассматривать сложную проблему определения специфики письменных движений в отношении к движениям в рисунке, отметим только, что здесь мы исходим из того представления, что письмо (при условии сформированности навыка) предполагает выполнение одного элемента письменного знака (или самостоятельной структурной составляющей этого элемента, или знака в целом) с помощью единого непрерывного движения инструмента письма (или системы непрерывных взаимосвязанных движений). Тогда как при рисовании (применительно к изображению письменных знаков) используются независимые повторные движения по одной траектории, а также осуществляется выполнение элементов письменных знаков, их самостоятельных структурных составляющих не одним, а несколькими отдельными движениями или их группами.

хологической теории деятельности как превращение операций в действия (дробление деятельности на более мелкие единицы),⁵⁹ в результате чего в рассматриваемом случае на уровне операций происходит расширение арсенала «средств», используемых писцом для выполнения элементов письменных знаков.⁶⁰

В настоящей статье предложено определение *погерка*, представляющее автору наиболее адекватным как применительно к письму древнерусских рукописно-книжных памятников, так и к русскому историческому письму в целом. Такое определение необходимо как отправная точка для построения полноценной методологической системы описания и изучения индивидуального письма древнерусских рукописей. Что касается полноценной концепции *погерка* (как психофизиологического, психологического и социокультурного явления), применимой для изучения древнерусского письма, то ее разработка еще впереди. Сейчас возможно говорить только о системе категорий, с помощью которых может характеризоваться индивидуальное письмо древнерусских рукописей. Однако формирование такой категориальной системы само по себе уже ведет к некоторым практическим последствиям, например, в области разработки принципов идентификации пишущего по письму. Хотя рассмотрение методологии идентификации в историко-почерковедческих исследованиях выходит за рамки данной работы (этому вопросу мы предполагаем посвятить серию специальных публикаций), одно замечание такого плана мы все же позволим себе здесь привести. Идентификация в почерковедении (как и в любой другой области экспертных исследований) есть установление тождества объекта самому себе: установление тождества пишущего себе самому на основании выпол-

⁵⁹ Подробнее об этом см., например: Сидоров К. Р. Уровневая модель психики. С. 57–58.

⁶⁰ Описанная ситуация, характерная, например, для древнерусского письма, заставляет нас задуматься над тем, во всех ли случаях правильно определять *функционально-динамический комплекс письменно-двигательных навыков*, являющийся психофизиологическим «фундаментом» (субстратом) *погерка*, именно как комплекс «письменно-двигательных» навыков? Возможно, что в целом ряде случаев осмысленно говорить о *функционально-динамическом комплексе графико-двигательных навыков* — графической технике письма и рисунка. В связи с этим большой интерес представляет исследование взаимосвязи (на уровне материального выражения двигательных навыков в рукописях и художественных работах) письма и рисунка профессиональных художников-графиков. Кроме теории почерковедения, результаты такого исследования могли бы иметь особое значение для изучения древнерусской рукописно-книжной культуры, а также для развития методологии экспертизы произведений искусства. В этом отношении представляются небезынтересными для почерковедов замечания одного из крупнейших отечественных искусствоведов Б. Р. Виппера о связи графического искусства и письма (Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства. М., 2004. С. 16), также как много полезного может извлечь для себя палеограф и почерковед в целом из рассуждений Виппера о рисунке (Там же. С. 17–40). Применительно к русскому курсивному письму наши предварительные наблюдения по этому вопросу (на материале сравнительного анализа письма и рисунка членов семейства Бенуа из собрания Государственного Русского музея) были изложены в докладе «Актуальные проблемы формирования методологии историко-документной экспертизы», прочитанном на III Всероссийской конференции «Экспертиза и фотография» (12.11.2012 г., Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО).

ненных им рукописных текстов.⁶¹ Соответственно, идентификация становится возможной лишь тогда, когда в письме отождествляемого писца будут обнаружены такие признаки, которые в совокупности выделяют его из всех других пишущих: образуют уникальный (неповторимый) *идентификационный комплекс* — индивидуальную совокупность признаков почерка.⁶² Понятно, что непосредственно «индивидуализирующая составляющая» в составе этого комплекса признаков не может относиться к уровню признаков *шрифтовой модели* и «выше».⁶³ К ней могут принадлежать только признаки реализации этой *модели* (выражающие индивидуальную специфику исполнения *модели*). Если мы возьмем в качестве примера работу профессионального книгописца в ее каллиграфической форме, как самый сложный с точки зрения почерковедческого исследования, но одновременно и самый показательный объект, то к *индивидуализирующим признакам* почерка, наблюдаемым в письме рукописи, уверенно можно будет отнести только те, которые отображают неконтролируемые сознанием писца *автоматизмы* в системе его навыка письма.⁶⁴ Эти признаки не могут являться «броскими» — аналогичными по характеру «палеографическим приметам», какими, например, являются признаки *стиля* (*стилистические признаки*) письма. Признаки автоматизмов относятся к тем деталям начертаний письменных знаков, исполнение которых осознанно не контролировалось самим писцом-профессионалом в процессе письма: признаки, о которых можно сказать, что при письме они незаметны самому каллиграфу. Эти признаки отражают ту составляющую в системе привычных движений мастера, которая, являясь для него незначимой с точки зрения окончательной графической формы письменного знака, при этом позволяет удобно и в необходимом темпе достигать заданного результата — исполнять знак в соот-

⁶¹ Такое понимание идентификации было обосновано одним из основателей отечественного судебного почерковедения С. М. Потаповым еще в 1940 г., но до сих пор является актуальным (*Потапов С. Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право. М., 1940. № 1. С. 66–72*).

⁶² Понятие «идентификационный комплекс признаков» первоначально возникло в криминалистической экспертизе, где, прежде всего, разрабатывалось в системе теории и методологии криминалистической идентификации (*Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 77, 25–34; Колдин В. Я. Судебная идентификация. М. 2002. С. 25–34; Рубцова И. И., Сысоева Л. А., Коршиков А. П., Ермолова Е. И., Безрукова А. И. Словарь основных терминов... С. 8*).

⁶³ Не ставя перед собой задачи рассматривать здесь теорию и методологию идентификации в системе почерковедческого исследования исторических документов, отметим только, что под *индивидуализирующими признаками* понимаются признаки, позволяющие выделить исследуемый объект из числа остальных, тогда как в состав *идентификационного комплекса*, безусловно, будут входить также и *групповые признаки* почерка (или признаки его *групповой принадлежности*), к которым могут быть отнесены признаки: *тип письма*, его *разновидность*, *стиль* и т. д. и т. п. Особо подчеркнем, что *индивидуализирующий признак* не нужно воспринимать как «индивидуальный», так как существование того или иного признака почерка, для которого возможно допустить то, что он был бы присущ только одному единственному пишущему, представляется маловероятным (и, безусловно, недоказуемым). *Индивидуальной* может считаться только *совокупность признаков*, но не какой-либо признак, взятый в отдельности.

⁶⁴ Об *автоматизмах* с точки зрения теории уровневой организации движений см., например: *Бернштейн Н. А. О ловкости... С. 220–221*.

ветствии с его желаемым образом.⁶⁵ Что касается графики индивидуально-го письма, относящейся к *стилю (шрифтовой модели) письма* с ее броскими «приметами», то хотя этот «уровень» графики никак не может рассматриваться в историко-почерковедческом исследовании как «индивидуализирующий»,⁶⁶ однако зачастую он играет очень важную ориентирующую роль, так как именно к нему относятся те признаки, которые могут позволить выделить для дальнейшего почерковедческого исследования из всего массива рассматриваемых рукописей комплекс документов внешне «близких» к известным образцам работы искомого писца. Привлекая дополнительные — сторонние по отношению к письму — данные (результаты сравнительного анализа бумаги рукописей и других кодикологических признаков, текстологические и лингвистические наблюдения, анализ содержания документов и т. д. и т. п.), в ряде случаев удается убедительно доказать принадлежность письма рукописи конкретному писцу, даже оставаясь на «уровне» признаков *шрифтовой модели (стиля письма)*. Но здесь нужно говорить не об *идентификации* пишущего по письму, а об *атрибуции* рукописи писцу по комплексу почерковых и внепочерковых данных.⁶⁷

Представленные в настоящей работе теоретические заметки носят пока еще самый предварительный характер. Автор рассматривает их как первый шаг на пути формирования методологии *исторического почерковедения* — самостоятельной дисциплины, изучающей *почерк* на материале письма исторических документов. Историческое почерковедение сейчас только начинает создаваться. Однако необходимость выделения самой этой дисциплины вряд ли может вызывать какие-либо сомнения. Хотя бы потому, что, как отмечается в этой статье, решение задач почерковедческого изучения рукописного наследия прошлого невозможно на базе существующего теоретического арсенала *судебного почерковедения* или *палеографии*. Кроме того, несмотря на то, что судебное почерковедение прошло уже длительный путь эффективного, плодотворного развития, сегодня со всей очевидностью становится ясно, что в рамках одной этой дисциплины создать целостное, по-настоящему универсальное *учение о почерке* не удастся. Однако разработка такого учения представляет большой теоретический и практический интерес для самых разнообразных областей изучения человека и общества, в том числе и их исторического изучения. В решении этой перспективной научной задачи историческому почерковедению, еще предстоит сыграть самую серьезную — возможно, ключевую — роль.

⁶⁵ Каждый признак, относящийся к такого рода *автоматизмам*, выделяется и анализируется в письме исследуемого документа с обязательным учетом существующего в нем *разброса признаков* (определение понятия см.: Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть. С. 139–140), что при работе с небольшими объемами материала уставного или полууставного письма может представлять существенную проблему.

⁶⁶ Это «уровень», на котором графика письма может быть осознана и «сконструирована» пишущим, а также и воспринята его последователями: «уровень» подражания и ориентации на образцы.

⁶⁷ В связи с вопросом о соотношении понятий «атрибуция» и «идентификация» применительно к писцам, отметим, что во многом именно об *атрибуции*, а не об *идентификации* говорит, например, Л. П. Жуковская, рассматривая способы «определения разных почерков», названные ею «экслиттеральными» (*Жуковская Л. П. Экслиттеральные способы определения разных почерков. С. 28–37*).